

I. СИБИРЬ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

ИЗ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЮЖНОЙ СИБИРИ: МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО И АБОРИГЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА В XVII ВЕКЕ

Л. И. Шерстова

(Томский политехнический университет)

Отношения России с коренными народами Южной Сибири и включение последних в свою государственную структуру в XVII веке во многом определялись существованием здесь автохтонных государственных образований. В немалой степени политику Москвы в этом регионе корректировала специфика менталитета государствообразующих этносов, распространивших свое влияние на достаточно аморфное тюркоязычное население Обь-Енисейского междуречья. К началу XVII в. эту территорию политически и экономически контролировали четыре киргизских княжества, представлявших собой единое этнополитическое образование и телеутская земля. В изменявшейся международной ситуации они пытались – нередко весьма успешно – проводить собственную региональную, порой даже и внешнюю политику, но, в конечном итоге, исторически оказались обречены на роль буфера между Россией и Джунгарией, Россией и Алтын-ханами.

Для России проблема взаимоотношений с аборигенными государствами определялась двумя важными моментами: необходимостью решить вопрос о двоеданцах (кыштымах) в свою пользу и, что оказалось сложнее, "подвести под государеву руку с шертью и ясаком" и их самих. По сути дела, им предлагался тот же вариант социально-политической зависимости, что и их собственным данникам. Для господствовавших в местных потестарных организациях этносов, особенно для киргизов с их "замкнутостью" и тысячелетней государственной традицией, такое было совершенно неприемлемо. Однако принципиально иных форм политического подчинения Россия предложить не могла, да и не хотела, хотя ее политика в отношении телеутов (не говоря уже о "союзных" еуштинцах) являлась более гибкой и привела к формированию особых отношений. Причина, возможно, в большей "аморфности" теле-утского этноса, а главное, киргизы пользовались гласной и негласной поддержкой запад-

но-монгольских тайшей и халхаских нойонов, что наполняло кыргызов уверенностью в себе и усугубляло неприятие России.

Но геополитическая ситуация в Южной Сибири неизбежно должна была кардинально измениться: выход на историческую арену молодого маньчжурского этноса, сумевшего быстро сокрушить династию Мин и установить в Китае власть собственной династии Цин, обусловил резкую активизацию внешней политики Чжунго, predetermined центральноеазиатское переустройство и исчезновение ряда государств, куда более устойчивых, нежели кыргызские княжества.

Первые контакты с енисейскими кыргызами и телеутами последовали сразу же после основания Томского города и острога в 1604 году. Однако, развивались они неодинаково и, вероятно, не без учета мнения еуштинского князя Тояна и его отношения к своим южным и восточным сильным соседям. С очень большой долей уверенности можно допустить, что томские воеводы с самого начала внимательно прислушивались к суждениям перешедшего "под высокую царскую руку" по собственной инициативе "томския волости князя" и доверяли ему. Тем более, что рассматривали - во всяком случае, поначалу - подвластных Тояну еуштинцев не столько как данников, сколько как союзников. Несомненно, такое умозаключение достаточно заметно подкрепляется многими строками "Наказа" царя Бориса. Видимо, не случайно в этом уникальном документе подчеркивается: "Великий государь... велели их от их недругов от дальних земель оберегати... и ясак с них до своего государева указа имать не велели... и чтобы томския волости князя и мурзы и средние люди... велели людям своим на городовое дело лес ронити и возити и город ставить с государевыми людьми вместе"¹ (курсив мой - Л.Ш.). Очевидно, с самого начала существовала директива Москвы: не ясак, а служба - главная задача тояновых татар.

Давно отмечено, что добровольный и скорый переход Тояна под власть государя московского был вызван к жизни не только внешними опасностями, но и причинами внутреннего порядка - в частности, непростыми отношениями с соплеменным князем Басандаем, в своем соперничестве ориентировавшемся, судя по всему, на кыргызов. В то же время кыргызы, пусть периодически, контролировали и земли собственно еуштинцев, стремясь довести их полузависимость до логического завершения. Что это было именно так, подтверждается хотя бы тем, что кыргызский князь Ишей как раз Тояна и его подданных называл "лучшими своими кыштымами", а также тем, что следы заговора татар Басандая, Лачи и Бадагды (1604 г.) против русских напрямую вели на юго-восток: его инспирировал алтысарский князь Немчи². Судя по тому, сколько активно тояновы еуштинцы участвовали в военных походах томских воевод на кыргызов чуть ли не с основания Томска, есть основания

видеть в этом своеобразную месть бывшим владыкам. В 1621 г., например, еуштинцы обстоятельно пограбили кочевья кыргызов и захватили большой полон, который тут же продали казакам и "бухарцам".

В связи с русско-кыргызскими отношениями небезынтересны были бы прямые сведения о том, какую характеристику кыргызам дал Тоян во время первых контактов со своими новыми союзниками и хозяевами, ибо русские не раз использовали его знание ситуации и опыт. Косвенный анализ событий первого десятилетия XVII в. позволяет предположить, что сложные, часто взаимно непримиримые позиции русских воевод и енисейских властителей сделались таковыми не только из-за объективных причин или из-за военно-кастовой гордыни кыргызов, но и благодаря первичной их аттестации, полученной русскими от Тояна. Не исключено, что именно еуштинскому князю русские обязаны априорным убеждением: кыргызы опасны до крайности и ненадежны, принимать их на службу ни в коем случае нельзя и, несмотря на необходимость посольств и переговоров, наилучший способ убеждения в отношениях с ними - военные действия.

Неординарная роль Тояна проявилась в "телеутской политике" томских властей. Отнюдь не случайно князец в 1609 г. вошел в посольство к телеутскому князю Абаку. Тоян, очевидно, пользовался и доверием телеутов тоже, т.к. лишь после того, как еуштинец поклялся, что Абака не оставят в Томске заложником, тот решился на поездку в русскую крепость. В том же году (и тут не без стараний Тояна?) Абак, его мурзы и лучшие люда шерто-вали царю в том, чтобы "быта под царскою рукой, служить, ходить в походы на непослушников" и т.д. За это телеуты просили разрешения кочевать "блиско Томского городу, не брать с них ясака, оберегать от Алтына-царя и Казачьей Орды". По царскому указу эти просьбы были тогда удовлетворены³.

Таким образом, положение телеутов приближалось к тому, что уже имели еуштинцы и чаты, а незадолго до них - сургутский князь Бардак: за участие в военных походах вместе со стрельцами и казаками они освобождались от наиболее зримого знака подданства - выплаты ясака. Исходя из сказанного, напрашивается вывод: на начальном этапе контактов русских с южно-сибирскими потестарными образованиями существенное значение имела позиция отдельных исторических фигур вроде Бардака (Пегая Орда), Абака (Телеутская земля), Немчи (Алтысарское княжество) или Тояна ("союзные" еуштинцы), а модель взаимоотношений с ними и их подданными была перенесена на чатов и телеутский массив. А.П. Уманский рассматривает отношения между томской администрацией и Абаком (Абаковичами) как договор о военно-политическом союзе⁴. Но вряд ли этот союз воспринимался обеими сторонами одинаково: вся последующая история русско-телеутских контак-

тов есть череда то совместных антикыргызских военных выступлений (походы 1615, 1621, 1622, 1630, 1680 гг.), то, наоборот, антирусских предприятий, вместе с чатским князем Тарлавом, Кучумовичами, черными калмыками (ойратами) против томских и кузнецких служилых и тояновых татар (1614, 1620, 1630 и т.д.). При этом постоянно сохранялась угроза нападения телеутов на Томский город и Кузнецкий острог и разорения их окрестностей. Создавшееся неустойчивое равновесие, нарушавшееся, правда, спорадически возникавшими острыми моментами, более или менее поддерживалось разными способами. Среди них - обоюдные посольства, русские карательные экспедиции в кочевья телеутов или их кыштымов, увод последних из-под контроля "держателей". В пользу равновесия могло также действовать вполне вероятное восприятие телеутами вассального полуподданства русским, как уменьшение зависимости от Джунгарии, которой они в это время платили алман⁵.

Стержневой особенностью взаимодействия сибирских властей с телеутами можно, видимо, считать приемлемый для обеих сторон договор, по которому при переходе под руку Москвы внесение ясака заменялось службой. Последнее немаловажно, т.к. выплата подати господствующим этносом неизбежно уравнивала бы его с его же кыштымами, что, во-первых, нарушало бы извечную здесь социально-политическую традицию и, во-вторых, такое отождествление с тягловым, зависимым населением было попросту оскорбительным для тогдашних телеутов. Военная же служба (пусть новым сюзеренам) прекрасно укладывалась в рамки центральноазиатской "улусной традиции", помогала телеутам сохранять самоощущение высокого социального статуса, т.е. не разрушала устоев менталитета "военно-кочевого общества". С другой стороны, местная администрация, в условиях постоянной нехватки военной силы, имела возможность частично восполнить ее недостаток за счет "союзных" аборигенов. Практика включения князцов, лучших и воинских людей в сибирское служилое сословие вполне оправдала себя еще в Северо-Западной Сибири⁶. Поэтому уже в 1626 г. в составе томского гарнизона насчитывалось 130 "служилых татар" - еуштинцев, чатов, телеутов. С 1633 г. часть их, как и русские служилые, стала получать годовое жалованье в сумме 3-8 рублей⁷.

В результате лояльной, гибкой политики отношение к новым хозяевам страны начинает мало-помалу меняться и возникают предпосылки для спонтанных телеутских переселений на земли, контролируемые русскими, даже без ведома Абака. В 1633 г. "люди Абака приходили на реку Ускат... и взяли с собою калмаков Кошнака (ранее сюда перебравшегося - Л.Ш.) с товарищи 5 человек с женами и детьми, а тот Кошнак давал государю погодный ясак и государеву службу служил в Кузнец-

ком остроге". После демарша сибирской администрации "Кошнака отпустили на Ускат в их юрту"⁸. С течением времени росло число телеутов-перебежчиков, и к 1671 г. сформировалась особая группа выезжих телеутов в Кузнецке⁹, в атласе С.У. Ремезова отмеченная севернее города в Абинской волости¹⁰. Такая же общность сложилась в Томском уезде и в самом Томске. К 1690-м годам в Томске насчитывалось, видимо, не менее 55-60 выезжих телеутов¹¹.

Выше уже отмечалась лояльность российской политики в отношении телеутов. Когда в 1653 г. кузнецкий воевода Ф. Баскаков самовольно направил против них отряды стрельцов и казаков, последовала жесткая реакция Москвы: специальной грамотой категорически запрещались такие инициативы без санкции государя. Большинство проблем правительство предпочитало решать с помощью посольств и переговоров. Тем более, что круг спорных тем оказывался очень ограниченным: принятие или подтверждение клятвы верности престолу, выдача или отпуск аманатов, разбирательства по поводу двоеданцев-кыштымов. А.П. Уманский видит специфику русско-телеутских отношений в том, что, несмотря на шерть, "подданство" телеутских улусов царю не являлось подданством в нормальном смысле этого понятия. Оно резко отличалось от подданства других аборигенов Сибири тем, что телеуты не платили ни ясака, ни поминков, а также никогда не давали аманатов в залог своей верности¹². Объясняется такая политическая мягкость двояко: на протяжении всего XVII в. Россия не обладала в Южной Сибири серьезными силами. К тому же на телеутов со временем резко усилилось давление Джунгарии, агрессивность которой вообще возросла - особенно после смерти Батурхунтайджи и установлением власти Сенге; раздражать окрепших ойратов России было невыгодно. Поэтому Москва стремилась сохранить телеутские улусы не столько как владение, сколько как буфер. Знаменательно, что в 1663 г. Сенге направил посольство в Россию, требуя вернуть теленгутов, обосновавшихся под Томском и Кузнецком, мотивируя это их, якобы, джунгарским подданством. Повторно с таким же требованием в 1724 г. выступил Галдан-Церен¹³.

Таким образом, можно считать, что уже к шестидесятым годам XVII в. политическая самостоятельность Телеутской земли сделалась почти номинальной, и все последующие набеги отсюда на присягнувших Москве ясачных, все угрожающие появления под стенами русских крепостей осуществлялись в русле джунгаро-русской внешней политики. Поэтому именно в Джунгарию отправилось посольство Г. Пущина в 1679-1680 гг., чтобы потребовать от Галдан-Бошокту-хана строгого запрета телеутским и кыргызским князьям нападать на русские уезды и грабить ясачных. Когда в 1679 г. в Москве находилось посольство упомянутого ойратского владыки, послам прямо говорилось: "Чтоб Галдан

контайша своим людям киргизам и белым калмыкам задоров и грабежей чинить не велел в государевых ясашных волостях"¹⁴.

Между тем активная внешняя политика Джунгарии, приводившая к частым войнам, усиливала тем самым прорусскую ориентацию части телеутов, несмотря на зависимость их от ханства, что, кстати, признавала и Россия. Этническая и политическая недооформленность Телеутской земли обрекла ее на раздел между государствами, обладавшими реальной силой. В 1701 г. к Абаковичам отправилось последнее русское посольство, но чем оно закончилось - неизвестно. К этому времени большая часть телеутских улусов в течение почти 30 лет кочевала в бассейне верхнего и среднего Аля в непосредственной близости от собственно ойратских кочевий, собирая алман со здешнего населения для джунгар. Они покинули свои прежние земли по Мерети, Берди, Ине, где ранее проходила "телеутская межа"¹⁵.

Историческая судьба Телеутской земли предопределилась ее этнополитической рыхлостью, показателем которой как раз и стала разная политическая ориентация ее улусов. Достаточно дальновидное поведение русского правительства и сибирской администрации способствовало образованию многочисленных групп "перебежчиков" и появлению ко второй половине XVII в. в Кузнецком и Томском уездах совершенно нового для этих мест этноса - телеутов. Было положено начало первому витку конкретного этногенеза будущих бачатских телеутов. Для нас важно также и то обстоятельство, что после ликвидации самостоятельности Телеутской земли граница России и на юге непосредственно "придвинулась" к джунгарским рубежам (к формирующейся Кан-Каракольской земле), а проблема двоеданцев теперь и здесь напрямую решалась между этими двумя мощными государствами.

Напомним, что взаимоотношения с кыргызскими княжествами у России сразу же стали отличаться крайней непримиримостью, чего нельзя сказать о контактах с телеутами. В сношениях с последними нередко удавалось достигнуть компромисса, тогда как в первом случае явно превалировали жестокие стычки и войны - вплоть до полного ухода енисейских кыргызов, как этноса, с исторической арены. Но, несмотря на внешнюю разницу, в обоих случаях настоящим - хотя и "закулисным" - противником Москвы, потом Петербурга здесь (особенно со второго десятилетия XVII в.) являлось Джунгарское ханство.

Первые упоминания о внесении ясака кыргызами в Кетский острог относятся к 1604 г.¹⁶. Спустя два года алтысарский князь Немчи, "желая добровольно поддаться" русским, отправил с этим заявлением в Томск свою жену. По неудачному стечению обстоятельств дело кончилось ничем, разве что зародило зерна недоверия и неприязни к русским в сознании кыргызской знати. Все же в 1609 г. то же намерение было повторено

князьями Немчи и Кочебаем с условием, что русские не станут воевать их улусы. Кыргызы обещали быть "под государевой рукою и служить и прямить и ясак давать"¹⁷. Кыргызы, очевидно, рассчитывали опереться на русских, защищаясь от усиливавшихся будущих Алтын-ханов. В понимании же русских властей приведенная фраза означала отдачу в полное подданство, изъявление покорности, хотя сами кыргызы, как помним, так никогда и не были объяснены - тем более, что сами пушной охотой не занимались. Те же из кыргызских кыштымов, которые попали в ясачные и промышляли "мягкую рухлядь" и за себя, и за своих господ, платили ясак крайне нерегулярно, пытались по возможности вовсе увильнуть от русской повинности¹⁸. Такое небрежное обращение с "шертью великому государю" не только кыргызов, но и их кыштымов, объясняется, скорее всего, типичным для Центральной Азии пониманием того, как и при каких обстоятельствах одно государство принимает подданство другого. На этот счет недвусмысленно высказался в 1657 г. хотогойтский Алтын-хан Лувсан. Принимая у себя в ставке на озере Убса-Нур русское посольство, в который уж раз предложившее монгольскому владыке принять московское подданство, сославшись при этом на присягу, данную прежним ханом, Лувсан заявил: "Тогда де царю царь бывает в подданстве, когда де царь царя возьмет войною, тогда и бывает в подданстве"¹⁹. На этом основании русским было отказано.

Длительная история государственности енисейских кыргызов, которых даже Чингиз-хан не стронул с места и оставил в сердце своей империи в качестве автономии, заставляет считать, что в вопросе о подданстве позиции Алтын-ханов и алтысарцев, алтырцев, езерцев, тубинцев были идентичны. Кыргызов русским так и не удалось покорить, несмотря на бесконечные походы и схватки как на кыргызской, так и на русской территориях в течение всего XVII столетия. Они так и не признали себя подданными Московского царства, несмотря на периодически провозглашаемые разными князьями из тактических соображений номинальных клятв верности. Ни соблюдать шерти, ни выплачивать символический ясак никто из них не собирался.

Впрочем, уже в первой половине XVII в. политическая самостоятельность кыргызских княжеств должна считаться относительной. За нею стояли если не Алтын-ханы, то все те же джунгарские контайши. Так, в посольстве Алтын-хана, прибывшем в Москву в 1618 г., видную роль играли и кыргызы. В 1625 г. посол П. Сабанский отписывал "из киргисских земли" в Томск, что здешний князец Тайтынай отвозил алман Алтын-хану. В 1643 г. "в киргизах" появилось 20 человек, прибывших для сбора алтынхановой дани и прикочевал ханский племянник Санжи-тайша "для кормления". Более того, в период своего краткого расцвета хотогойтские властители диктовали кыргызам всю внешнюю

политику, воспринимая их как своих "улусных людей". Поскольку в этот период налаживались отношения Алтын-ханов с Россией, те немедленно приняли меры к снятию кыргызско-русских осложнений. Хан "прислал к киргизам послов, чтоб киргизы в вине своей признались и были под царской рукой и ясак платили", грозя в случае неповиновения войной²⁰. В разговоре же с русским посланником Ловсан утверждал: "Киргизы де и тубинцы и алтырцы и керетцы и с кыштымами, вечные наши кыштымы, а не вашего государя,... а Киргиская де земля искони вечная их ясачная"²¹. Но в отношениях с Алтыю-ханами кыргызы лавировали, опираясь не на Московию, а на ойратов: с начала XVII в. "черные колмаки" уже появляются в их землях для взыскания алмана. Между прочим, еще в 1626 г. алтысарский князь Ишей горько жаловался, хотя и не без лукавства: "Даем ясак один государю (Московскому - Л.Ш.), другой ясак Алтыну-царю, третий ясак черным колмакам Каракуле (Хара-Хуле - Л.Ш.)"²². Позднее кыргызы признали зависимость от сына Хара-Хулы Батур-тайши, но это не снимало их подчиненности Алтын-ханам и, замечает С.В. Бахрушин, не нарушало суверенных прав последних на Киргизскую землю²³. Только после поражения Ловсана от Сенге в 1666-1667 гг. и исчезновения владения "Золотых ханов" с карты Азии, кыргызы полностью подчинились одному хозяину - Джунгарии, хотя "дипломатическое наследие" проигравших долго еще регулировало геополитические и этносоциальные процессы в Западном Саяне и Чулымо-Минусинской котловине. Дело в том, что в 1662-1665 гг. русские посольства добились от последних Алтын-ханов подписания ряда договоров, определявших сферы влияния контрагентов и их права в верховьях Енисея. Россия "отсудила" себе все права на правобережье, включая речные системы Тубы, Казыра, Кана, и двоеданство здесь было упразднено. За Алтын-ханами оставались сеньориальные права на левобережных кыргызов, все более тяготевших к Джунгарии.

После 1667 г. все действия кыргызов против России так или иначе служили интересам ойратской державы. Во владениях кыргызов появились джунгарские наместники - Барчикай, Батыр-Ейзан, Аба-Зайсан и др. Они помогали урегулировать противоречия с русской администрацией, выступая посредниками - будь то требование вернуть пушки из сожженного кыргызами Ачинского острога, или участие в строительстве нового сторожевого острога на Енисее. Енисейские князья не раз посещали ставку контайши, удостоиваясь аудиенции: в 1683 г. князь Иренак, возвратившись оттуда, сообщил, что "калмыцкий Бушту-хан (Галдан-Бошокту-хан - Л.Ш.) ему и всем киргизам на государевы сибирские города и остроги (ходить) и битца с государевыми людьми не велел"²⁴. Такая позиция оправдана: в период ожесточенной борьбы с Хал-

хой за объединение Монголии, джунгарские ханы не были заинтересованы в беспорядках и нестабильности на своей северной границе.

Итак, обитая "на бойком месте", богатом природными и человеческими ресурсами, в котором стянулись претензии и интересы нескольких крупнейших государств XVII в., будучи зажатыми ими с запада и северо-запада (Россия), с востока и юго-востока (Алтын-ханы и, опосредованно, Китай), с юга и юго-запада (ойратская Джунгария), разобщенные "поулусно" княжества енисейских кыргызов вынуждены были лавировать между всеми этими гигантами, склоняясь то к одному, то к другому, пытаясь вызвать противоречия между ними и лишь изредка проводя собственную политику. Последняя может быть образно названа "военно-кыштымской", призванной оборонить главную экономико-социальную базу кыргызской государственности, а через нее и всю нишу жизнеобеспечения всех обитателей Среднего и Верхнего Чулымо-Енисейского междуречья. На ту же нишу претендовали и русские, чья хозяйственно-бытовая основа и социально-государственная структура в начале ХУІ в. качественно и принципиально были весьма сходны с кыргызскими. Потому этот спонтанный вид внешней и внутренней политики и был направлен, главным образом, против сибирских городов и служилых людей, против Московского царства. Ожесточенное сопротивление кыргызов понятно: присвоение русскими их "экологической ниши", вытеснение их за ее пределы означало бы смерть и енисейской государственности, и самих кыргызов как этноса.

В связи со сказанным знаменательно, что между четырьмя известными кыргызскими княжествами документально отмечается стойкое единство в сопротивлении внешнему врагу - как военными, так и дипломатическими средствами. Вообще складывается впечатление, что кыргызская политика - собственная и даже исполняемая по заказу, - при всей ее активности, имела преимущественно оборонительный характер. Не исключено, что в этом сказывалась глубокая этнопсихологическая установка. Она была направлена не на широкую агрессию, а на защиту того, чем уже обладают, и подкреплялась реминисценциями древнего дин-лино-кыргызского великодержавия с его локально направленной, Обь-Енисейской, внутренней и внешней политикой. Во всяком случае, кыргызские князья руководствовались именно этим принципом, когда предпочитали действовать на древней своей этнической территории и на землях, некогда входивших в сферу этнокультурного влияния динлинов и, позднее, раннекыргызских каганатов VI-IX и X-XIII вв.

Следует отметить, что русские градоначальники и служилые нередко сами провоцировали военную реакцию кыргызов на свои необдуманные поступки и неадекватные действия. Так, в одном из документов признаваясь "в своих винах", кыргызский правитель, в ответ на предло-

жение сменить аманатов в городах, напомнил русским о князце Каре, якобы "уморенном" в Томске в 1624 г., что и вызвало тогда же войну²⁵. Более того, кыргызы считали, что практика обоюдного аманатства ничего не решает, а служит лишним поводом для стычек и войн: "Аманатчики вернутся (от русских) и все равно умрут, а то, что если у русских и были аманаты, это от войны не отвратило"²⁶, Подтверждение тому – события 1660-х годов под Красноярском. Там тогда находились в заложниках служилые люди тубинских князей, захваченные насильно. Город был немедленно окружен кыргызами и поддержавшими их джунгарами²⁷.

Как помним, постоянным предметом споров оставался вопрос о сборе дани с ясачных, но к 1680 г. русские власти, проявившие осмотрительность, дальновидность, смогли добиться компромисса. Все свелось к обязанности кыргызов "преж государева ясаку на себя не имать"²⁸, что, по сути дела, признавало за кыргызами права и на государевых ясачных, т.е. определяло двоеданческий статус последних и устанавливало очередность сбора ясака и алмана.

Извечной болевой точкой русско-кыргызских отношений оставалась проблема выплаты ясака самими кыргызами. Отказываясь платить окладный ясак в 10 соболей с мужской души, они, порой, взывали к здравому смыслу. Они де "живут в степи... и соболей на степи не живет, а которые природные (наши) холопы кыштымы все иные... за государем и ясак со всех с них збирают в Томской город... в Кузнецкой и Мелеской остроги"²⁹. Иногда удавалось и здесь достигнуть компромисса: некоторые князья (Ишей в 1628 г.) все же давали вдруг ясак за всю свою землю в размере 100 соболевых шкурок - якобы, по общему числу князьков. Но, по удачному выражению С.В. Бахрушина, это "скорее дар, чем дань"³⁰, к нему более применим тогдашний же русский термин "поминок", маскирующий категорическое нежелание уподобляться своим промысловым "холопам". Подданными России, даже номинальными, кыргызы себя не признавали и, потому, настоящего ясака давать органически не могли. Отсюда - отдающие лукавством дипломатические ходы насчет "неумения" охотиться на пушного зверя и постоянный акцент на том, что промысел этот является исключительным достоянием и умением их "природных кыштымов". Тем самым лишний раз подчеркивался свой высокий, правящий статус и утверждалось, невзирая на новую ситуацию, априорное право владения податным населением. Признать иное - означало бы покориться Москве.

В некоторых документах енисейские правители прямо апеллируют к русской социальной структуре: "Сами соболей и цикакого зверя промышлять не умеем, имали ясак у... кыштымов... которые у них вместо русских крестьян"³¹. Складывается впечатление, что угроза потери пре-

стижа у собственных "холопов" была едва ли не в числе основных причин жесткой позиции кыргызов по вопросу о ясачных платежах. Оно и понятно: потеря престижа означала отказ давать дань, неподчинение, а то и вооруженное неповиновение. Следовательно, сужение материальной и людской базы, а затем и гибель сложного социально-политического организма, каковым является любое государство, не исключая и княжеств енисейских кыргызов. Во время переговоров с русскими вопрос о ясаке десятилетиями муссировался обеими сторонами. Кыргызы раз за разом требовали снятия этой проблемы с повестки дня переговоров, пока, наконец, не добились своего: в 1678 г. князь Иренак договорился с атаманом Р. Кольцовым больше к этому не возвращаться.

Надо сказать, русская администрация и кыргызские правители, в принципе, имели шанс на установление вполне терпимых взаимоотношений. Впервые такая возможность была сформулирована в 1628 г. князем Ишеем в виде просьбы: "Государь (бы) их пожаловал, велел им свою государеву службу служить так же, что и чатцким татарам вместо уплаты ясака". Через четверть века, в 1642 г., тот же Ишей повторил уже воеводе И. Кобыльскому: "Чтоб государь вины отдал и их пожаловал и ясаку б с них имать не велел, а они готовы государю служить как и Чацкие мурзы служат"³². Русские власти долго на такие предложения не реагировали, руководствуясь стойким предубеждением насчет кыргызов на службе и опасаясь в этом случае измены и бунта. Наконец, в 1678 г. такие взаимоотношения были частично реализованы специальным договором. Русские приняли на себя некоторые обязательства по отношению к контрагентам, но вопрос о приеме кыргызов на "государеву службу" даже не ставился. Впрочем, не обсуждалось и внесение кыргызами ясака, что само по себе можно считать удачей енисейской дипломатии, равно как и категорический отказ Иренака передавать русским какие-либо сведения о джунгарах. Этим признавался сюзеренитет Джунгарии, а алтысарский князь показал себя не только преданным бассалом, но и самостоятельной и смелой политической фигурой³³.

Вместе с тем, взаимное недоверие, поколениями копившееся между русскими и кыргызами, так и не было изжито, сохраняясь до неизбежного конца самых упорных в Западной Сибири противников московских государей. На сей счет сохранилось немало разновременных русских документов. Еще в 1629 г. из Красноярска к кыргызам ездил казак Никита Хох-ряков. Был представлен князьям Ишеею, Табуну и Ишенею, спросил их, почему те не едут к русским за ясырем. В ответ услышал: "Ясырь выкупают, кому надобно, а в Красноярск не ездят потому, что... де вы засадите в тюрьму без государева указа, а до государя де далеко, воеводы нас не допустят, уморят в тюрьме". Самим же служилым посо-

чувствовали: "Вы люди невольные, куда вас воевода пошлет, туда и едите"³⁴.

Пожалуй, еще большей подозрительностью и нетерпимостью отличались московские центральные и местные власти. Не будучи в силах добиться ни скорого покорения кыргызов, ни достижения своих государственных целей дипломатическим путем, они не переставали уповать на военное решение проблемы. Локальные карательные экспедиции в земли кыргызов и разорение их кыштымов перемежались с крупномасштабными акциями, организованными правительством. Первая такая акция осуществилась в 1641 г. объединенными силами всех сибирских городов под командованием сына боярского Якова Тухачевского. В распоряжении, отданном ему Сибирским приказом, предписывалось: "А как над теми государевыми изменниками, над кыргыскими людьми, Бог помощи подасть, он, Яков, ... тех... кыргыских людей повоюет и улусов, и с юртов их, и с кочевья стеснит... чтоб тех непослушников смирить ратным обычаем. А смилив их, привести их под государеву царскую руку и к шерти на том, что быти им под государевою царскою высокою рукою в прямом холопстве (!) навеки неотступным... А будет Яков Тухачевский пойдет на государевых изменников на кыргыских людей мешкотно или и пришед на них своею оплошкою и нерадением промыслу над ними чинить не учнет... и острогу не поставит... и за то от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси быти в великой опале и в казни"³⁵.

Впрочем, этот рейд, как и более поздние походы Р. Старкова и И. Гречанинова (1680 г.), И. Суворова (1682 г.) и др., завершился без особого результата, если не считать пограбленных кыштымских и кыргызских юрт, угнанных табунов и довольно многочисленных женщин с детьми, взятых в плен для продажи в Кузнецком остроге. Военной победы над кыргызами одержать не удалось, под острог на Абакане, якобы, не изыскали места, а новый Ачинский острог в Кызыльской земле возвели лишь год спустя. К тому же, если прежняя Ачинская крепость, запирая собою слияние Белого и Черного Июсов (т.е. исток Чулыма) буквально "нависала" над центром алтысарских кочевий и княжеской ставкой близ современной деревни Ефремкиной в Хакасии, то новый русский форпост 1642 г. отодвинулся к северу на несколько десятков верст и располагался теперь в середине среднечулымских ясачных земель.

Покорения или хотя бы полного замирения кыргызов не получилось и к середине 1680-х годов. К этому времени, правда, удалось подтвердить размежевание русских владений и Киргизской землицы и договориться о поведении соперников в пограничной зоне: "А русским де... в их (кыргызов) землю за Июс войной не ходить, а мы де под государевы

города и остроги также за Июс (обязуемся) не ходить". В 1684 г. "равноправие" вновь закрепляется:

"Русским людям в наши киргиские урочища ясашных людей не ходить, и в наших урочищах не промыслять, и своим (кыргызским) людям в русские урочища не ходить"³⁶. Внешне положение на границе ясачных волостей и Алтысарского и Алтырского княжеств напоминало сбалансированный вооруженный нейтралитет по отношению друг к другу. Однако, не сумевши разбить или, по крайней мере, серьезно ослабить кыргызов на левобережье карательными рейдами или массированным лобовым ударом, сибирские власти применили обходной маневр и, обогнув владения кыргызов с севера, перейдя на правый берег реки, ударили с тыла. Через Енисейск, Ачинск, Красноярск и Канский острог, недавно воздвигнутый в среднем течении правого притока Енисея - реки Кана, русские воеводы и служилые приступили к энергичной экспансии против Тубинского княжества. Помимо военно-стратегических выгод енисейское правобережье привлекало их своими горнотаежными угодьями с высокосортным соболем и прочим пушным зверем.

Уже в феврале 1692 г. была отправлена большая сводная карательная экспедиция против тубинского князя Шандыка. Сражение в бассейне Кана отличалось кровопролитием и жестокостью, тубинцы потеряли не менее 600 воинов, множество женщин и детей было захвачено в плен. Активные военные действия русских не прекращались и, по справедливому замечанию С.В. Бахрушина, "разгром Тубы сильно ослабил Киргизскую землю... С этого момента начинается ее постепенная агония"³⁷. От себя добавим: добившись военно-политического и экономического ослабления кыргызских княжеств, подорвав их единство, русские, видимо, не желая того, толкнули их окончательно под крыло Джунгарии. Ойратские тайши все глубже внедрялись в верхнее Обь-Енисейское междуречье, все объемнее вычерпывали ресурсы Киргизской земли. Еще Иренак заявлял о сборе алмана с кыштымов в пользу Джунгарии, а в 1690-е годы в русских Кондомских и Мрасских волостях и "в Шорах" появился кыргызский князец Мангытко сын Таин-Ирки как сборщик алмана на "черных колмаков", разоряя, грабя и казня тамошних податных людей³⁸.

Привязавши к себе кыргызов террором, угрозами, посулами и обещанием защиты от русских, воспользовавшись их безвыходным положением, Джунгария в конце XVII в. востребовала, наконец, и людские ресурсы. Енисейские правители должны были теперь непосредственно участвовать в ее боевых действиях против Халхи (читай: против Цинов). В 1687 г. на реке Чулышмане произошла битва между ойратами и восточными монголами. Из Сибири доносили в Москву: "А черных колмаков (ойратов - Л.Ш.) и соянов и киргизов побито 5 тысяч... Бошокту-хан

отступил к черни" (к Северному Алтаю - Л.Ш.). В схватке погибли князь Иренак, его сын Шип и двое пасынков. В том же году "приехал ис калмаков на Кыргызскую землю калмыцкой мужик Сургал, и тубинских де и езерских мужиков выбивают с их Кыргызской земли всех выше Абакану реки з женами и детми и со скотом. А на Кыргызской де земле оставили не больших людей для оберегания от приходу томских и красноярских воинских людей... А меж де мугал и калмаков стоят бои великие. А кыргыз де, и езерцев, и тубинцев, и алтырцев и киштымов их гонят калмаки в Калмыцкую землю... з женами, и с детми и со скотом.... И велено де ему, Сургалу, взять с собою в Калмаки их, кыргыз, тысяча четыреста сорок человек... и кыргызских людей многих мугальские люди (халхасцы - Л.Ш.) побили и в Кыргызах де великое малоллюдство"³⁹.

Даже из приведенного отрывка ясно, что события 1703 г. и поголовное выселение кыргызов со своих земель были предрешены, что они явились логическим завершением процесса, давно задуманного, но растянутого во времени. Очередная⁴⁰ война джунгар требовала людских и материальных ресурсов, а также безопасности северной границы ханства, что могло быть достигнуто лишь при невмешательстве России. Выселяя кыргызов в Джунгарию, контайши добивались двоякой выгоды. Они получали искомую российскую лояльность и обеспечивали себя искусными и храбрыми конными отрядами, не говоря уже о простом увеличении численности своего улуса. Русским, по-прежнему не имевшим достаточной мощи для сокрушения непокорного анклава в глубине своих сибирских владений, был поднесен "царский подарок". Их "вечные враги" были убраны из бассейна Енисея и Сибирская администрация, неожиданно для себя, с помощью джунгар получила полную возможность без особого труда продолжить "освоение" обезлюдивших заенисейских территорий. На практике все свершилось быстро: в 1703 г. в Киргизскую землицу прибыли 3 зайсана и "киргиз де к себе загнали всех... и ныне де в Киргизской землице киргизов никого нет". После этого русские в 1707 г. смогли построить на правом берегу Енисея, в 60 верстах от устья реки Абакана Абаканский острог, который должен был бы построить еще Я. Тухачевский много лет назад. Через два года, в 1709 г., удалось укрепиться в предгорьях Западного Саяна: Саянский острог (рядом с современным с. Означенным) блокировал урянхайцев и уцелевших моторов с койбалами⁴¹.

Таким образом, в начале XVIII в. Верхнеенисейский бассейн почти лишен был населения. Тубинцы фактически были истреблены русскими в бесконечных сражениях и набегах, население же прочих княжеств, исключая некоторые группы кыштымов, оказалось в сердце Джунгарии. Так закончился столетний спор России и Киргизской землицы за обладание кыштымами. Исчезло одно из старейших государств

Центральной Азии и Южной Сибири, население которого, поглощенное Джунгарским ханством, позднее разделило его печальную судьбу. Кыргызский этнос рассеялся, оставив о себе слабые следы во многих отдаленных местах среди самых различных этнических общностей.

Конкретный ход позднекыргызской истории, специфика государственной политики и общественной этологии были, если можно так выразиться, этнологически предопределены. Сложное лавирование между сильнейшими государствами, нежелание сколько-нибудь полного подчинения кому-либо в государственном смысле, неприятие даже косвенного уравнивания себя с податными сословиями и этносами и резкое политическое и этническое обособление от них, высокий статус воинских традиций и отличная военная организация, - все это, несомненно, определялось и устойчиво культивировалось прочнейшей этноконсолидацией енисейских кыргызов. К концу средневековья они, судя по всему, составляли особую правящую этническую касту, что усугубляло противостояние как со всеми остальными слоями своих княжеств, так и с внешним миром. Иначе говоря, категорически трактуемая универсальная оппозиция "свои-чужие" не позволяла кыргызам ментально отождествиться в политическом и социально-податном статусе с другими южносибирскими аборигенами в рамках Российского государства.

¹ Пугачев А. Древнейший документ о нашем городе // Томск. Альманах. Томск. 1946. Март – июнь. С. 139-140.

² Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского гос. Университета. Томск. 1950. Т. 112.с. 79; Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск. 1883. С. 65.

³ Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII-XVIII веках. Новосибирск. 1980. С.36.

⁴ Там же. С.37.

⁵ Златкин И.Я. История Джунгарского Ханства. М. 1983. С. 81.

⁶ Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в.//Научные труды. М.:АН СССР, 1955. Т.3. ч.2. С. 164-166.

⁷ Бояршинова З.Я. Указ. раб. С. 107-108.

⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. С. 406.

⁹ Уманский А.П. Указ. раб. С. 193.

¹⁰ Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. 1882, Л. 14.

¹¹ Уманский А.П. Указ. раб. С. 197.

¹² Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII-XVIII веках//Автореф. дисс. ... докт. историч. наук. Барнаул. 1983. С. 14-24.

¹³ Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. С. 38.

¹⁴ Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 303.

¹⁵ Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. С. 115-117.

¹⁶ Щеглов И.В. Указ. раб. С. 65.

¹⁷ Материалы по истории Хакасии XVII-XVIII вв. // Под ред. В.Я. Бутанаева и А. Абдыкалыкова. Абакан. 1995. С. 28.

-
- ¹⁸ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII веке // Научные труды. М., 1955, Т. 3, ч. 2. С. 176.
- ¹⁹ Чимитдоржиев Ш.Б. Указ. раб. С.45.
- ²⁰ Материалы по истории Хакасии. С.65, 125.
- ²¹ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы... С. 193.
- ²² Материалы по истории Хакасии... С. 81.
- ²³ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы... С. 195.
- ²⁴ Материалы по истории Хакасии... С. 175.
- ²⁵ Миллер Г.Ф. Указ. раб. С.340.
- ²⁶ Материалы по истории Хакасии... С. 132.
- ²⁷ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы... С.209.
- ²⁸ Материалы по истории Хакасии... С. 151.
- ²⁹ Там же. С.75.
- ³⁰ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы... С.202
- ³¹ Материалы по истории Хакасии... С. 53.
- ³² Фишер И.Э. Сибирская история. СПб., 1774, С.297.
- ³³ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы... С.212-213
- ³⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л. Т.I. С.352.
- ³⁵ Материалы по истории Хакасии... С.95.
- ³⁶ Бахрушин С.В. Енисейские киргизы... С.219-220.
- ³⁷ Там же. С. 221.
- ³⁸ Материалы по истории Хакасии... С. 199-200.
- ³⁹ Там же. С. 186-187, 190.
- ⁴⁰ Памятники сибирской истории . СПб., 1882. Т.I. С.232.
- ⁴¹ Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. Минусинск. 1913. С. 31-32.